

— Ты немой, что ли? — нетерпеливо бросил Вэй Анъюань. — Если сейчас же не заговоришь, я велю отрезать тебе язык и скормить его собакам.

Студент смертельно перепугался, колени его подогнулись, и он с глухим стуком рухнул на землю, дрожа всем телом как осиновый лист.

Видя, что парень нем как могила, Ли Чжао даже усмехнулся от злости. Он вытащил из рукава маленький карманный кинжал длиной в два пальца, с золотыми ножнами, украшенными узором мифического зверя чи, и фыркнул:

— А по-моему, идея Анъюаня отличная. Язык у него все равно бесполезный, так что отрезать его — самое милое дело.

Е Мянью в конце концов не выдержал и толкнул Ли Чжао в плечо:

— Зачем ты его этим пугаешь?

Ли Чжао уставился на него в ответ:

— Этот ничтожный наглец оскорбил тебя, а я лишь проучу его ради твоего же блага!

— Ладно тебе, все-таки мы учимся вместе в Императорской академии Гоцзысюэ, — Е Мянью потянул Ли Чжао к себе и прошептал на ухо: — Вдруг он пойдет жаловаться в Павильон Синсы? Лишние неприятности.

— Да как он посмеет? — Ли Чжао упрямо вздернул подбородок.

— Да у него духу не хватит! — холодно бросил Жуань Юньшэн. — Этот парень наверняка жжет поминальные подношения по усопшему. Раз уж он осмелился устроить тризну на территории Императорской академии Гоцзысюэ, видать, ему не терпится отправиться домой навсегда.

Стоящий на коленях студент резко поднял голову. Лицо его было бледным как полотно. Наконец он взмолился о пощаде:

— Господа, умоляю, пощадите!

— Ой, я замерз до смерти! — пожаловался Е Мянью, притопывая ногами. — Раз он не станет болтать лишнего, зачем мы тратим на него время? Идемте быстрее!

— Мы вообще-то за тебя вступаемся! — возмутился Ли Чжао.

Вэй Анъюань искоса взглянул на Е Мянью и холодно спросил:

— Почему ты каждый раз строишь из себя Государя?

Слова Вэй Анъюаня задели Е Мянью за живое, и он тоже начал закипать.

— Потому что мне так хочется! — с раздражением ответил он, после чего сделал несколько шагов вперед и рывком поднял студента с земли.

Взяв парня за руку, Е Мянью почувствовал, будто прикоснулся к куску льда. Он внимательно оглядел его: тот был одет лишь в тонкий темно-синий ватник, без накидки или плаща. Е Мянью мысленно вздохнул, достал из рукава маленькую ручную грелку и вложил ее в руки парня.

— Держи. Когда мы уйдем, приberi здесь все хорошенько и помалкивай. Считай, что сегодня ничего не произошло.

Е Мянью договорил, а Ли Чжао с лишившимся дара речи видом указал на него пальцем и крикнул Вэй Аньюаню:

— Четвертый молодой господин Е и правда возомнил себя Государем?

— Заткнись! — недовольно оборвал его Е Мянью. — Когда ты напроказил в конце прошлого года, а я пошел в Павильон Синсы отдуваться за тебя, ты что-то не говорил, что я строю из себя Государя!

— Я... — Ли Чжао, осекшись, обиженно умолк и лишь тихо проворчал под нос: — Ну надо же, еще и виноватым остался.

Конечно, Е Мянью не собирался требовать от друзей изменить их укоренившиеся сословные предрассудки только из-за того, что сам он в прошлой жизни получил цивилизованное воспитание в духе «всеобщего равенства». Однако, хотя он и пытался влиться в их круг и не казаться белой вороной, ему все же не нравилось, когда его учили жизни и лезли в его дела.

Заметив, что Е Мянью переменялся в лице, Жуань Юньшэн кашлянул и поспешил сгладить углы:

— Ладно, ладно, пойдемте уже. Из-за этой заминки мы совсем опоздали.

Вэй Аньюань закатил глаза и фыркнул:

— Ну так мы идем или нет? Что ты вылупился на этого простолюдина? — С этими словами он схватил Е Мянью за руку.

Е Мянью от столь резкого рывка споткнулся и сердито прикрикнул:

— Вэй Аньюань, ты что, собаку на поводке ведешь?..

Лишь когда они немного отошли, студент наконец поднял голову. Дрожа всем телом, он смотрел им вслед, откуда все еще доносились обрывки разговора:

— Ну и не повезло же нам.

— Какая досада, встретить на пути подобное ничтожество.

— Благородному мужу не пристало злословить за спиной.

— Четвертый молодой господин Е! Да хватит тебе уже!

— Четвертый молодой господин Е?.. — едва заметно шевельнулись его посиневшие от холода губы, робко прошептав это имя.

В час Ю, на исходе дня, колокол Императорской академии Гоцзысюэ пробил трижды.

Ворота Цзисянь со скрипом отворились.

Под этот протяжный скрип ожидавшие снаружи слуги и мальчишки-пажи вытянули шеи, всматриваясь внутрь в поисках своих молодых господ.

Вскоре из ворот, весело переговариваясь, повалили гурьбой ученики. Площадь перед Императорской академией Гоцзысюэ вмиг зашумела, точно ярмарка: соученики прощались друг с другом, ржали кони, а кучера из разных знатных домов громко щелкали кнутами.

Е Мянэ сегодня задержался. Во второй половине дня у него был урок стрельбы из лука на открытом стрельбище. Он без зазрения совести четырежды отлучался под предлогом «по нужде», но ему все равно пришлось провести на ледяном ветру почти два часа, и теперь он промерз до самых костей.

Как только прозвенел колокол об окончании занятий, Вэй Анъюань и Ли Чжао первым делом увели его во Двор Цижуй, где они долго грелись у жаровни в учебном классе, прежде чем отправиться к выходу.

Шли они втроем, не спеша переговариваясь.

— Теплеть начнет еще нескоро, — сказал Ли Чжао. — Может, пропустишь следующие пару уроков стрельбы? Я попрошу отца поговорить с наставником Яном.

— Ну уж нет! — поспешил остановить его Е Мянэ. — Если отец об этом узнает, то и представить страшно, как он меня отчитает. А если у него еще и настроение окажется скверным, то мне и вовсе несдобровать — точно побьет!

— Твой отец, конечно, дает... — скривился Вэй Анъюань, но, поскольку речь шла о старшем, не посмел договорить до конца.

— Он сейчас и так на дух меня не переносит, — беззаботно отмахнулся Е Мянэ. — К тому же, даже если я прогуляю стрельбу, разве смогу я прогулять урок верховой езды? Так или иначе, терпеть осталось всего пару месяцев, не околею.

Программа обучения в Императорской академии Гоцзысюэ при династии Великая Вэнэ была на редкость разнообразной: ритуалы, музыка, стрельба из лука, верховая езда, каллиграфия и математика — изучалось абсолютно все. Это в корне отличалось от системы зубрежки ради экзаменов из его прошлой жизни. Помимо сухих наук им приходилось осваивать аристократический этикет, теорию музыки, основы танца, стрельбу из лука, верховую езду и управление повозкой, и даже Книгу Перемен с инь-янскими гексаграммами и половое воспитание.

Ли Чжао сокрушенно вздохнул:

— Пока твой старший брат не вернется из Янчжоу с государственного поручения, старайся не злить его. Если совсем прижмет — просто держись от него подальше.

Е Мянэ неопределенно кивнул. Если не можешь противостоять силе, остается только бежать.

Еще до того, как выйти за Ворота Цзисянь, Е Мянэ заметил своего слугу Фэнцзиня, который во весь рот улыбался и махал ему рукой. Рядом с ним переминались с ноги на ногу слуги Вэй Анъюаня и Ли Чжао. Забавно было наблюдать за прислугой: проработав в домах долгое время, они прекрасно знали, с кем дружат их молодые хозяева, и потому тоже кучковались своими компаниями, четко разделяя «своих» и «чужих».

К тому моменту на площади осталось совсем мало народу. Экипажи всех троих семейств подъехали прямо к Воротам Цзисянь. Е Мянэ не стал церемониться, бросил друзьям «До завтра!» и запрыгнул в повозку.

Вернувшись в поместье Е, Е Мянью направился не во Двор Баофэн, а напрямик в Павильон Шоуюнь к своей бабушке, так как сегодня вечером они должны были ужинать у нее.

Старая госпожа поместья Е была истовой буддисткой и соблюдала строгий вегетарианский пост, а потому в обычные дни не заставляла детей и внуков разделять с ней трапезу. Лишь заместитель министра Е, сочувствуя престарелой матери и опасаясь, что она заскучает в одиночестве, взял за правило в круглые даты каждого месяца собираться всей семьей — с супругой и детьми, — чтобы вместе отведать постных блюд. Со временем это превратилось в негласное правило в поместье Е.

У входа в Павильон Шоуюнь служанки наперебой бросились приподнимать полог перед Е Мянью. Его матушка и невестка уже приехали и беседовали с его бабушкой во внутренних покоях. Вокруг толпилось множество служанок и пожилых нянек, отчего комната казалась очень оживленной.

— Четвертый молодой господин пришел, — зашептались служанки.

Увидев вошедшего Е Мянью, служанки и няньки присели в приветственном поклоне, приветливо улыбаясь.

Красивая служанка в ярко-красной кофте со светлой юбкой и безрукавке бледного сиреневого цвета с улыбкой вышла навстречу из внутренних комнат и ловко помогла Е Мянью снять тяжелый плащ.

— Сестрица Юнь-эр, сними с меня чуть позже заколку-венец, а то я проносил ее весь день, голова уже раскалывается, — обратился Е Мянью к Юнь-эр, самой любимой служанке его бабушки.

— Слушаюсь, — с улыбкой ответила Юнь-эр. — Проходите пока во внутренние покои, погрейтесь, а я велю принести гребень.

— Мянью-эр, иди скорее сюда, к бабушке, — послышался изнутри голос старой госпожи Е.

Е Мянью стянул с запястья браслет из лозы милеттии и, сунув его Юнь-эр, вошел во внутренние покои, где чинно поприветствовал собравшихся женщин.

Старая госпожа Е, расплывшись в теплой улыбке, поманила его рукой. Е Мянью подошел и без лишних церемоний примостился на резной кушетке из черного дерева рядом с бабушкой. Он обхватил пожилую женщину руками за талию и прижался щекой к ее плечу.

Внук и бабушка выглядели так трогательно и дружно, что от улыбки морщинки на лице старой госпожи Е проступили еще отчетливее.

Мать Е Мянью, госпожа Цю, округлила свои красивые глаза и шутливо пожурила его:

— Ты же еще не согрелся толком с мороза, не боишься простудить бабушку?

— Ладно тебе, ладно, — с недовольством оборвала ее старая госпожа Е. — Весь холод остался на верхней одежде, Юнь-эр уже сняла его с него в сених. С чего бы мне простудиться?

Увидев, что свекровь недовольна, госпожа Цю поспешила замолчать и виновато улыбнулась.

Сидевшая неподалеку на высоком стуле-«розе» молодая красавица в богатых одеждах слегка

прикрыла рот шелковым платком и со смехом перевела тему:

— Мян-эр, едва переступив порог Павильона Шоуюнь, сразу же принимается помыкать любимой служанкой бабушки, тогда как своих девок никогда с собой не водит. Каков хитрец, все до мелочей рассчитал!

<http://bllate.org/book/18289/1753810>